

УДК 811.111:81' 37:159.955

**ИНТЕРСЕМИОТИКА ПОЗИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
 МАНИПУЛИРОВАНИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
 АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Ю.Ю. Шамаева (Харьков, Украина)

Ю.Ю. Шамаева. Интерсемиотика позитивно-эмоционального манипулирования в медийном пространстве американской политической коммуникации. Статья посвящена исследованию особенностей интерсемиотики комплекса лингвокогнитивных средств позитивно-эмоционального манипулятивного воздействия в американском политическом дискурсе печатных СМИ с точки зрения когнитивной лингвистики и эмотиологии. Специфика семиотической поликодности позитивно-эмоционального манипулирования в американской политической медиакommunikации выявляется на фонографическом, лексическом и грамматическом уровнях вербальной объективации категориального концепта ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ.

Ключевые слова: интерсемиотика коммуникации, концепт, манипулирование, политический медиадискурс, эмоция.

Ю.Ю. Шамаєва. Інтерсеміотика позитивно-емоційного маніпулювання у медійному просторі американської політичної комунікації. Стаття присвячена дослідженню особливостей інтерсеміотики комплексу лінгвокогнітивних засобів позитивно-емоційного маніпулятивного впливу в американському політичному дискурсі друкованих ЗМІ з точки зору когнітивної лінгвістики та емотіології. Специфіка семіотичної полікодності позитивно-емоційного маніпулювання в американській політичній медіакommunikacji виявляється на фонографічному, лексичному та граматичному рівнях вербальної об'єктивації категоріального концепту ПОЗИТИВНА ЕМОЦІЯ.

Ключові слова: емоція, інтерсеміотика комунікації, концепт, маніпулювання, політичний медіадискурс.

Yu.Yu. Shamayeva. Intersemiotics of positive-emotional manipulation in the media space of American political communication. The article focuses on researching the intersemiotic peculiarities of the complex of the linguocognitive ways a positive-emotional manipulative influence is realized in American political printed massmedia discourse from the point of view of cognitive linguistics and emotiology. The specific features of the positive-emotional manipulation semiotic polycode in American political

mediacommunication is revealed on the phonographical, lexical and grammatical levels of the verbal objectivization of the categorial concept POSITIVE EMOTION.

Key words: concept, emotion, intersemiotics of communication, manipulation, political mediadiscourse.

Целью настоящей статьи является выявление специфики интерсемиотики комплекса лингвокогнитивных инструментов позитивно-эмоционального манипулирования в медийном пространстве печатных СМИ американской политической коммуникации. Достижение данной цели предполагает реализацию следующих **задач**: определение теоретико-методологической базы изучения интерсемиотических особенностей лингвокогнитивного поликода позитивно-эмоционального манипулятивного воздействия в американском политическом медиадискурсе; анализ особенностей интерсемиотики позитивно-эмоционального манипулирования как феномена лингвокогнитивной природы, репрезентированной на фонографическом, лексическом и грамматическом уровнях вербализации категориального эмоционально-чувственного событийного концепта (ЭЧСК) ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ [Шамаева 2011], который и является **объектом** нашего исследования. **Предмет** работы составляет манипулятивный потенциал интерсемиотики языковой репрезентации категориального ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ в медиaprостранстве печатных СМИ американской политической коммуникации.

Цель и задания работы обусловили выбор основных исследовательских **методов**, основными среди которых являются гипотетико-дедуктивный метод, концептуально-метафорический анализ медиаобъективации ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, элементы дискурс-анализа, концептуально-таксономический анализ вербальных инструментов позитивно-эмоционального манипулирования.

Материал исследования составляют 300 прямых и не прямых номинаций-репрезентантов ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, полученных методом сплошной выборки из американских газет 2008-2011 гг.

Современные лингвокогнитивные исследования, направленные на поиск коррелятов языковых единиц как в объективной реальности, так и в сознании языковой личности, и исходящие из того, что «в основе категорий лежат, в конечном счете, отражения и обобщения явлений объективного мира» [Степанов 1981: 36], все чаще ориентированы на изучение неизменно **актуальной** проблемы манипулирования/манипуляции «при условии целостного рассмотрения ситуации «восприятие – сознание – язык» с учетом взаимосвязи и взаимопричинности всех её составляющих» [Лаенко 2010: 93]. И это неудивительно, поскольку оценить эффективность манипулятивных приемов, без которых сейчас не обходится ни одно СМИ, ни один формат политической коммуникации, выявить природу психологических «ловушек» в медиатексте на всех стадиях его продуцирования и презентации, проанализировать существующие уровни манипулирования можно, лишь обратившись к

когнитивной лингвистике, с точки зрения которой манипуляция трактуется в терминах когнитивной деятельности как «процесс установления когнитивной значимости эмоционально-языкового выражения и его информативности» [Заботкина 2011: 71]. При этом качество манипуляции как «вида психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (цит. Е.Л. Доценко по Г.А. Копниной [2010: 10]), задаваемого намерением автора в совокупности с используемой манипулятивной технологией, становится наиболее высоким при манипулятивном воздействии именно через язык, который непосредственно влияет на когнитивную и эмоционально-поведенческую деятельность адресата (О.Н. Быкова, Г.Я. Солганик, J. Sikora, W. Stadler и др.).

На сегодняшний день проблема целенаправленного манипулятивного воздействия при помощи языка, которое детерминируется концептуальным (пере)осмыслением действительности и потребностью, порождаемой совместной деятельностью людей, объективировать это осмысление, укрепляя его в языковом сознании себе подобных, является одной из ключевых в медиалингвистике, приобретая, на наш взгляд, статус коммуникативной стратегии медиациентричной культуры нашего времени, представляющей собою «текстопорождающую и смыслообразующую конфигурацию субъекта, объекта и адресата в рамках научного, художественного, религиозного, публицистического и других дискурсов, трактуемых как коммуникативные события (Т. ван Дейк)» [Анненкова 2010: 4]. Отметим также, что в рамках коммуникативного подхода сам дискурс, включая политический дискурс медиа, мы считаем «некой знаковой структурой, которую делают дискурсом ее субъект, объект, место, время, обстоятельства создания» [Леонтьева 2009].

С точки зрения семиотики, непосредственным предметом которой является «информационная система, т.е. система, несущая информацию» [Степанов 2001: 5], где в качестве элементарного ядра выступает система знаков [Мечковская 2004], язык современных СМИ может рассматриваться как бесконечная интерпретация культурных сем. Поскольку тексты СМИ (особенно политической медиакommunikации) представляют собою матрицу массово-коммуникационной культуры XXI века [Олешко 2011], формируя внутри- и межкультурные смыслоценностные установки этносемантических коллективов, можно говорить о том, что именно они являются источником неэпохи риторической культуры интерпретации готового слова (принимая во внимание протеистичный характер речетворческой деятельности автора-журналиста) [Анненкова 2010]. В этой связи общую коммуникационную установку СМИ на суггестию [Копнина 2010] можно охарактеризовать как риторико-манипулятивную модальность, заложенную в каждом медиальном тексте независимо от интерпретационных вариантов массовой аудитории, эмоционально-эмоциогенное измерение которой и создает «аргументативный комплекс политического медиадискурса как информационного, так и

аналитического характера» (*перевод мой – Ю.Ш.*) [Torell 2008: 79], изучение которого относится к приоритетным заданиям современной когнитологии [Копнина 2010; Михалёва 2009] и медиалингвистики [Желтухина 2009], что обуславливает **своевременность** нашей работы. Отметим, что при определении границ (медийного) политического дискурса мы, вслед за Е.И. Шейгал, включаем в него «как институциональные, так и неинституциональные формы коммуникации, если у них к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, содержание сообщения, адресат» [2000: 33]

Несмотря на то, что в лингвистических терминах манипуляция в политической коммуникации рассматривалась с разных точек зрения – как политический язык (А.Н. Баранов), как вид статусно-ориентированного общения (В.И. Карасик), как сфера преимущественного употребления определенных языковых форм и речевых приёмов (П. Серию), эмоциональный/эмоциогенный аспект манипулирования в среде медийного политического дискурса, непосредственно связанный с когницией этносемантической личности [Шаховский 2010] и формированием соответствующих концептуальных и категориальных структур в сознании экспериенцера, и на сегодняшний день остается изученным в недостаточной степени. В этой связи **актуальность** и **новизна** нашего исследования определяется его направленностью на комплексное решение проблемы потенциального интерсемиотического программирования когнитивно-эмоциональной реакции адресата при помощи вербальных и паравербальных средств как инструментов манипулятивного воздействия печатных СМИ американской политической коммуникации в фонографическом, лексическом и грамматическом измерениях с опорой на **теоретико-методологическую** базу когнитивной лингвистики, эмотиологии и субстанционально-интеракционной концепции коммуникации, что способствует распознаванию психотехнического эффекта речемыслительной коммуникации и является шагом вперед на пути к предотвращению речемыслительной агрессии и насилия.

Подчеркнем, что речемыслительную манипуляцию мы понимаем как разновидность когнитивно-лингвального воздействия используемого для имплицитного внедрения в психику адресата целей, желаний, установок, которые не (совсем) соответствуют тем, что есть у адресата на момент осуществления коммуникации. При этом под позитивно-эмоциональным речемыслительным манипулированием подразумеваются те частые случаи, когда скрытый потенциал языка эмоций используется адресантом для того, чтобы навязать адресату определенное представление о действительности, сформировать необходимое отношение к ней, вызвать необходимую адресанту позитивно-эмоциональную реакцию, при этом «позитивно-» в смысле такой реакции, которая является полезной адресанту через создание эффекта пользы для адресата. Иными словами результатом такого манипулирования оказывается необходимое адресанту в определенном контексте политической коммуникации «когито-семантическое состояние» (термин В.В. Бойко [2008])

как латентная характеристика экспериенцера-адресата, которая «с одной стороны связана с состоянием его психики (например – состояние опущений, восприятия, эмоций, аффектов, неустойчивость, транса), а с другой стороны – с установками культуры и сознания» [Тарасенко 2009: 158], ведь сам смысл является эмоциональным состоянием (там же).

Понимая целевое когито-семантическое состояние как структуру операционально замкнутого процесса лингвокогнитивной самореференции экспериенцера, изменение которой проявляется в эмоциях/аффектах, изменениях восприятия/ощущений, а также его интенций – установок, касающихся окружающей действительности и самого себя, главным инструментом позитивно-эмоционального манипулирования считаем любой вербальный/паравербальный информационный знак, который в определенном когнитивном/лингвистическом контексте может воздействовать на адресата необходимым образом, ведь «концептуальная система языковой личности фиксирует информацию, которая поступает в вербальной и паравербальной форме различными способами: от органов чувств, в результате осмысления, на основании интуиции бессознательных, эмоциональных процессов» [Потапенко 2010: 87].

Согласно М.Ю.Урнову, каждый действительно манипулятивный шаг с необходимостью базируется на активации определенной эмоциональной реакции адресата, что повышает эффективность манипулирования, а если лингвокогнитивное воздействие осуществляется путем активации эмоций именно позитивно-эмоционального спектра, манипулятивный потенциал высказывания увеличивается почти вдвое [Урнов 2008]. Тем более, что в механизме именно позитивных эмоций, активация которых является своеобразной гарантией успеха в контексте медиальной политической коммуникации, наиболее эффективно функционируют такие три главных звена, которые можно отождествить с известными в энергетике устройствами, как конденсатор (сохранение энергии эмоций), реостат (регулирование эмоционального напряжения) и трансформатор (способный усиливать энергию позитивных эмоций по законам индукции), «обеспечивая необходимую позитивно-эмоциональную реакцию адресата дополнительной энергией, которой обладают врожденные программы эмоционального поведения» [Бойко 2008: 36].

Результаты анализа эмпирического материала позволяют говорить о существовании интерсемиотики трех уровней реализации позитивно-эмоционального манипулирования в медийном пространстве американской политической коммуникации – фонографического, лексического и грамматического, понимание которой может служить способом информационной защиты от нежелательного либо чересчур интенсивного манипулятивного воздействия. Своеобразие семиотического континуума рассматриваемого дискурса заключается в том, что в своём основном объеме политическая коммуникация на страницах современных американских печатных

СМИ происходит многоканально, комплексно с использованием нескольких реальных (слух, оптика) либо виртуальных (воображаемых, ментально репрезентируемых) сенсорных модальностей, всех видов простых (пирсовские знаки-индексы (предметные), знаки-копии (эмоциональные), знаки-символы (понятийные)) и максимально разнообразных сложных знаков. При этом степень участия семиотического поликода в эмоциональной когниции адресата чрезвычайно высока как по причине её значимости для познания мира плана содержания семиотики и возможности, связанной с наличием уровня комбинирования знаков, создавать собственные знаковые последовательности и хранить их в памяти, так и ввиду участия эмоционально-стимулирующих знаков и знаковых последовательностей в процессах продуцирования нового знания.

Приведем несколько примеров. На фонографическом уровне манипулирование осуществляется при помощи специфического звукового и графического оформления сообщения. В политическом дискурсе СМИ фонетические манипулятивные инструменты концентрации позитивно-эмоционального смысла широко используются в устной речи, но аллитерация, рифмизация и ритмизация (*They didn't just pack their bags, they backed their hopes*) наряду с пунктуационно-метаграфическими способами, передающими интонацию, тембр голоса, темп говорения и паузацию (*And fellow Americans – Democrats, Republicans, Independents – I say to you tonight: we have more work to do*) оказываются функционирующими как в устной, так и в письменной политической медиакommunikации, способствуя созданию эмоционального эффекта доверия, патриотизма, теплоты и возвышенности. Интересным оказывается и тот факт, что ритмо-метрическая организация гимна США нередко реализуется в медийных фрагментах политического дискурса: *This time the States will have to act as we have done before...и America! America! God shed his grace on thee!*

Главенствующую роль в реализации лингво-когнитивного позитивно-эмоционального манипулирования в американском политическом медиадискурсе играют лексические способы объективации категориального ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, которые мы подразделяем на три группы:

1) лексико-семантические: а) квантификаторы: *I knew this hero. He was just one of so many*; б) метонимии: *...I'll be doing everything I can to make sure that John Kerry and John Edwards take our country back for the people who built it*; в) конверсивы: *We're not going to let those who disagree with us shout us down under a banner of false patriotism. We're not going to be proud to call ourselves Democrats, not just here in Boston. And we're going to be proud to call ourselves Democrats in Texas*; г) метафоры: *Through hard work and perseverance my father got a scholarship to study in a magical place; America which stood as a beacon of freedom and opportunity to so many who had come before*; д) гиперболы (*I stand here knowing that my story is part of the larger American history, that I owe a debt to all of those who came before me and that, in no other country on earth, is my story even possible. Tonight, we have gathered to affirm the greatness of our nation, not because of the height of our skyscrapers, or the power of our military, or the size of our economy*;

е) перифразы: *But they sense, deep in their bones, that with just a change in priorities, we can make sure that every child in America has a decent shot of life, and that the doors of opportunity remain open to all*; ж) слова-амёбы: *The American public opinion approves President Obama's handling the conflict*); з) софистицизмы: *Their agreement did not turn out to be the sine qua non of the ... future*;

2) лексико-синтаксические: а) синонимы: *Not long after, he and a co-worker discovered something unprecedented – a switch that channeled Internet traffic culled from millions of living rooms, bedrooms, kitchens and offices across the nation to secret room operated by the NSA. There, that information was collected and processed ostensibly for the purposes of defending the nation*; б) антонимы: *But if you believe that the Googles of the world can serve as a democratizing force and expand freedoms – after what we have seen in the wake of 9/11, with the sheer amount of information you have, we would be fools to not also believe the other side of that equation: That such power can also take those freedoms away*;

в) лексико-прагматические: а) дейктики: *Thank you. My friends, not far from here stands a building located at 611 Folsom Street in San Francisco*; б) эвфемизмы: *McCain said he's learned much about the intelligence agencies and how they interact now and in the run-up to the Iraq operation for WMD proliferation prevention*; в) дисфемизмы: *Yet even as we speak, there are those who are preparing to divide us, the spin masters and negative ad peddlers who embrace the politics of anything goes*); г) *The government could squander both money and personal freedom by trying to stamp out pornography. Or it could try the policy attributed to Oscar Wilde: «I have no objection to anyone's sex life as long as they don't practice it in the street and frighten the horses.» That would work fine, even in Utah.*

На грамматическом уровне среди наиболее часто употребляемых инструментов позитивно-эмоционального манипулирования в политическом дискурсе американских печатных СМИ отмечаем детерминированный контекстом выбор грамматической формы глагола, использование пассивного залога вместо активного, эллиптические конструкции (*I saw it in the 19-year-old from Alabama who had never been involved in politics before he got in his car and drove up to Vermont, because he didn't feel like he was being heard in Washington*), инверсии (*Never again will we be ashamed to call ourselves Democrats*), обособления (*You are digitally scanning every book in the world – 32 million – to create the first universal digital library*), параллельные конструкции (*It further exacerbates a corrosive culture on the right that now celebrates the Cult of Idiocy – from Glenn Beck to Michele Bachmann – where riling liberals is more valuable than reason and logic, and where intellectualism and even basic learnedness are viewed with suspicion and contempt. It further advances the campaign of the rich and powerful in America to exploit the fears of those who feel most fragile in an effort to increase or insulate their fortunes. It further enshrines the destructive pop culture dogma that fame and fortune grant moral wiggle room to flout the rules and obscure the truth. And, yes, it further plays to the heavy racial undertones that have marked this presidency.*

Таким образом, знаки фонографического, лексического и грамматического измерений как способы языковой репрезентации категориального ЭЧСК ПОЗИТИВНАЯ ЭМОЦИЯ, оказывающегося когнитивно и эмоционально сопряженным с такими ключевыми концептами медийного пространства американской политической коммуникации, как FREEDOM, DEMOCRACY, SUCCESS, JUSTICE, PATRIOTISM, OPTIMISM, TERRORISM/TERROR, POLITICAL CORRECTNESS, образуют сложный семиотический континуум позитивно-эмоционального манипулирования в рамках данного вида коммуникации. Интерсемиотика этого континуума проявляется в корреляциях семиотик разных классов, и, как следствие, в образовании таких семиотических гибридов, как вербальные и паравербальные/парамузыкальные составляющие, субстрат естественного языка в используемых терминологиях, номенклатурах, деловая/игровая семиотика (метафоризация, эвфемизация и т. п.), художественно-культурная семиотика, обусловленная рефлектирующей инстанцией сознания журналиста/издания (проявляющейся в дискурсивных операторах/операциях), семиотика гипертекста (цитации, клише и т.п.).

Перспективу нашей работы составляет дальнейшее, более детальное сравнительное исследование эвристического потенциала интерсемиотики эмоционального манипулирования в американском, французском и украинском/российском медийных пространствах политической коммуникации как коллективной рефлексии с точки зрения лингвокогнитивной эмотиологии, лингвокультурологии и лингвосинергетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И.В. Риторика как универсальная основа описания медиадискурса / И.В. Анненкова // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах : доклады Междунар. науч. конф. – М. : Фак-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. – С. 3-6.
2. Бойко В.В. Психознергетика / В.В. Бойко. – СПб. : Питер, 2008. – 416 с.
3. Желтухина М.Р. Суггестивное моделирование в пределах двух фреймов / М.Р. Желтухина // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 793-805.
4. Заботкина В.И. Роль прайминга в идентификации значения многозначного слова / В.И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2011. – С. 70-77.
5. Копнина Г.А. Речевое манипулирование / Г.А. Копнина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 170 с.
6. Лаенко Л.В. Восприятие – сознание – язык: онтология и гносеология взаимосвязи / Л.В. Лаенко // Non multum, sed multa: Немного о многом.

У когнитивных истоков современной терминологии : сб. науч. трудов в честь В.Ф. Новодрановой. – М. : Авторская академия, 2010. – С. 92-103.

7. Леонтьева Е.Ю. Философия, культура, религия. Рациональность и «дискурс» (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] / Е.Ю. Леонтьева. – 2009. – Режим доступа : <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=2800039>.
8. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура / Н.Б. Мечковская. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 432 с.
9. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
10. Олешко В.Ф. Профессиональная культура журналиста: дискурс глобализационного подхода / В.Ф. Олешко // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере : сборник материалов Междунар. науч-практ. конф. – М. : Фак-т журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. – С. 72-74.
11. Потапенко О.І. Лінгвоконцептологія / О.І. Потапенко. – К. : Освіта України, 2010. – 336 с.
12. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
13. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология. – М. : Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5-42.
14. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / В.В. Тарасенко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
15. Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении / М.Ю. Урнов. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 240 с.
16. Шамаева Ю.Ю. Концептуальная основа языка эмоций как знания матричного формата / Ю.Ю. Шамаева // Вісник ХНУ імені В.Н.Каразіна. Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов». – 2011. – № 954. – С. 107-114.
17. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : монография / Е.И. Шейгал. – М.; Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
19. Torell M. Presence and argument in media-based virtual environments / M.Torell. – San-Francisco : Jossey-Bass, 2008. – 120 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Chicago Tribune [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chicagotribune.com>.

2. New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com>.
3. Washington Post [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.washingtonpost.com>.
4. Newsweek [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.newsweek.com>.
5. Time [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.time.com/time/>

Юлия Юрьевна Шамаева, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: shamaeva-25@yandex.ua